

Моя закуска — улыбка девушки

Встр. Москва, - 2000. - субб., - 0, 4.

Осенний марафон Александра Володина

Чтобы «поймать» Александра Володина, вашему корреспонденту пришлось изрядно побегать. Знаменитого драматурга обязательно кто-то «уже давно» ждет, он вечно спешит, опаздывает. Догнав Александра Моисеевича у служебного входа в ДК на Петроградской стороне, на бегу уговариваю его дать мне интервью. Согласие получаю у центрального. И вот в назначенный день подхожу к двери его питерской квартиры: «Звонят, откройте дверь». Не открывают. Тогда обращаюсь за помощью к соседям. Через несколько минут Александр Моисеевич выходит: «Вы все-таки оказались настойчивы. Хорошо. Другой бы ушел, проклиная меня».

Анатолий МЕЛИХОВ

— Знаете, с возрастом человек предпочитает уединение. Вот и я теперь избегаю общения с новыми людьми. Боюсь, что кто-то придет ко мне, и надо будет часами с ним разговаривать. Мне часто звонят незнакомые люди: «Мы хотим прийти к вам, притронуться к вашему рукаву». Но я им отвечаю жестоко: «Я сейчас сам притронусь к своему рукаву, и мне будет легче». Но они все же приходят. И, как ни странно, мне с ними становится хорошо, комфортно. Тогда я начинаю понимать, что общение с людьми — главное условие счастья... Еще я люблю по ночам, когда бессонница, одеться и пойти в магазин на углу — для меня это очень родное место. Там мне дают бутылочку водки. Маленькую. Потому что большую боюсь, не смогу остановиться. Там же — буфет. «Сто грамм», — говорю. А мне отвечают:

Я люблю по ночам, когда бессонница, одеться и пойти в магазин на углу — для меня это очень родное место. Там мне дают бутылочку водки. Маленькую

«Вы же все равно вернетесь. Возьмите с собой». Ну, я и правда возвращаюсь... Для меня нет ничего лучше, чем прийти в магазин ночью и выпить... Дома одному пить — невозможно. А когда продавщица, эта девушка-цветок, стоит напротив и смотрит на меня приветливо, я вроде бы и не один. Вот так подхожу к девушке и говорю: «Налейте мне сто грамм». Девушка вопросительно смотрит: «А закуску? — А вы улыбнитесь мне просто». И она дарит мне

эту улыбку. Все в магазине уже знают: лучшая закуска моя — вот эта улыбка. И так они все мне стали дороги! Когда мне на каких-нибудь встречах дарят цветы, я отношу их девушкам в магазин.

— **Нетрезвость 2000 года как-нибудь отличается от нетрезвости 1960-го?**

— Сложный вопрос. Сейчас все мои давние знакомые и полужанские говорят: «Как вы хорошо выглядите». Я бы, конечно, мог принять это за комплимент, если бы не обязательная вторая фраза: «А год назад

вы были ужасны!» Недавно Шендерович сказал мне: «Год назад я боялся к вам подойти, вы были страшны. А сейчас, я вижу, вы другой». Что со мной произошло, я не знаю. Но тогда я действительно дошел, бог знает до чего. Мне рассказывали, один знакомый встретил меня на Невском и говорит: «Смотрю — Володин страшный идет. Подхожу: «Саш, что это у тебя одна щека побрита, а другая нет?» — «Да лень было». Представляете?

А бывает, выпью как следует, и тут же начинаю сочинять. Первое, что придет в голову. Потом еду в театр, смотрю какой-нибудь спектакль и говорю вслух: «Как скучно, сколько можно трепаться, какая пьеса плохая». А на меня шикают: «Тише, тише. Это же «Три сестры». И меня вдруг бросает в жар: «А что бы мне сейчас сказал Олег Ефремов? Я должен просить у него прощения!» После еду в такси и, обнимая водителя, плачу: «Прости меня, Олег...»

— **Правда, что «подшофе» сочинять легче?**

— Это только поначалу так кажется. Как будто возникает что-то новое и неожиданное. Но утром перечтешь — какая-то ерунда... Хотя общий посыл правильный. И по-прежнему начинаешь что-то исправлять...

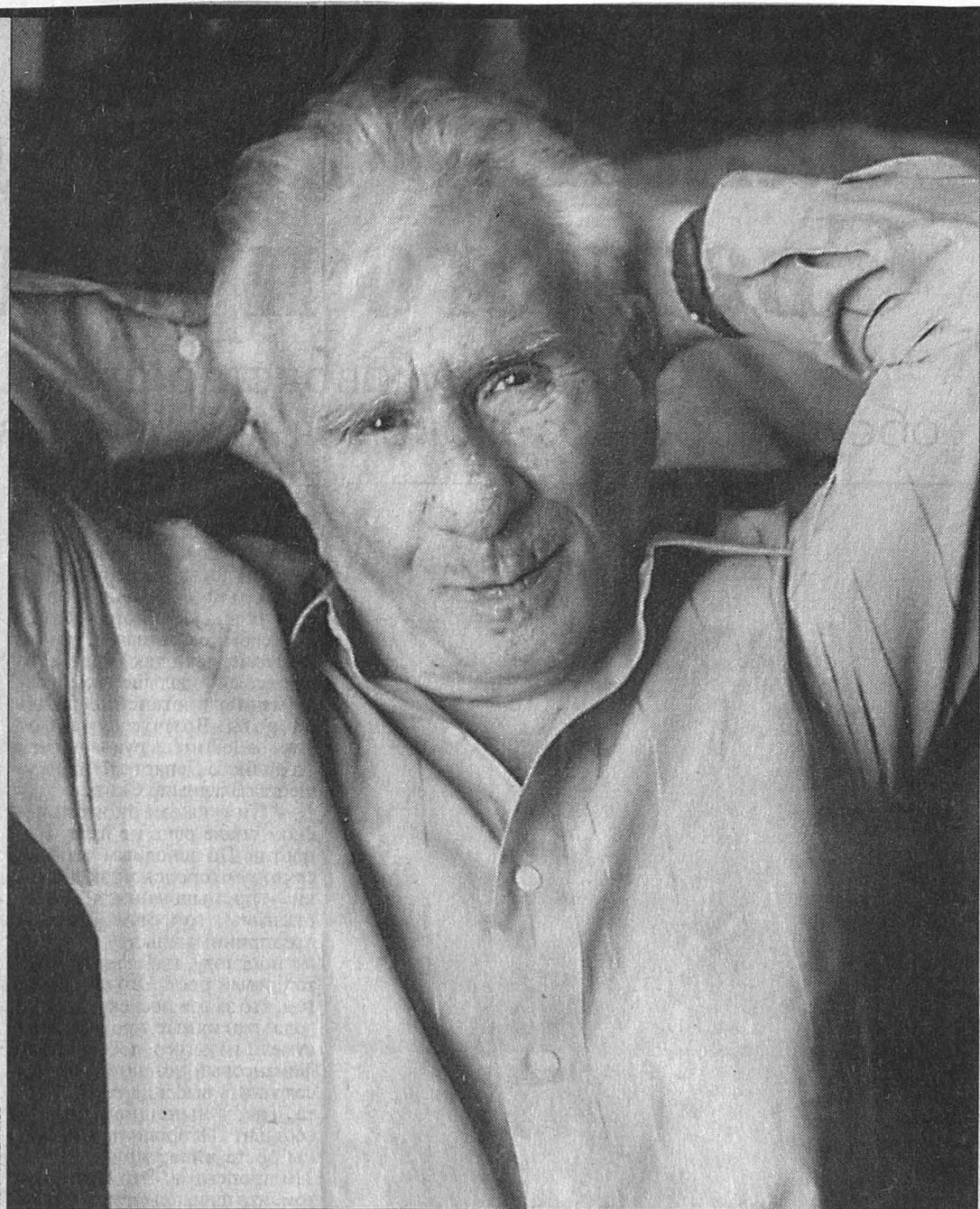
— **А если не совсем, если слегка? Вот и музыканты говорят: помогает...**

— Мне сто грамм действительно помогают. Исчезают комплексы. Я перестаю быть неуверенным в себе. Да, плевал я на то, что я такой не очень талантливый. Плевал! А вот я выпил и пишу.

— **Люди плакали над вашими пьесами. Казалось, их автор должен быть человеком правильным.**

— Для человека искусства есть две вещи определяющие: биография и... как это назвать... не уверенность в себе, не упоение собой... а совесть. Совесть. Вот совесть у меня была. Когда я окончил ВГИК, вдруг объявили прием в сценарную мастерскую лучших выпускников института за несколько лет. Нагибин там был. Кто еще, я не помню... Мы должны были просто писать сценарии. За это

нам платили... кажется, тысячу рублей. Редко когда ставили. Просто учили: ну, он ее любит, она его тоже, кто-то приревновал и все такое... Но до того это было тошно, что я не выдержал: не хочу врать и насиловать себя! Взял и отказался. Хотя денег не было совершенно, и устроиться на работу в то время было нереально. В общем, для меня путь в искусство был заказан. Но главное — я чувствовал себя абсолютно бездарным человеком. Были тому причины. С этим

Анатолий МЕЛИХОВ

чувством собственной бездарности я прожил долго. Но однажды решился: а что, если попробовать... пьеску... Начал писать что-то такое, что для себя назвал «Ложь». Там все сверху донизу построено на вранье. Правда, потом оказалось: название какое-то пижонское. Переделал на «Фабричную девчонку». И только после «Фабричной девчонки» начал снова писать пьесы. Но режиссерам все равно не отдавал, стыдился... Так, через кого-нибудь...

— **Были ли режиссеры или актеры, которые просили вас написать пьесу специально для них?**

— Отбоя от таких не было. Но я всегда сомневался, думал: на этот раз, наверное, получилось плохо. Мне было стыдно. Например, режиссер звонит: «Ну, все, ставим вашу пьесу». Я отвечаю: «Не надо, не надо этого ставить. Нет, только не это...» А что? Надо подумать... Мне казалось: ничего не складывается, я ничего не могу и не хочу делать. И вот жизнь кончается, я одинок. Дети в Америке. Жена больна. Жене моей 81 год, мы ровесники. Она целыми днями слушает музыку. В основном Шопена, которого я тоже очень люблю. Когда я захожу к ней, требует: «Шурик, ты выйди!» Почему-то ей надо быть наеди-

не с музыкой. Когда она устает от музыки, просит меня: «Шурик, можно я с тобой посижу?», садится и смотрит телевизор. Жена всегда ведет себя тихо... У нас очень долгая жизнь прожила, и мне жалко жену.

— **Вы жалеете женщин?**

— У меня к женщинам два чувства: преклонение и жалость. Очень сильные чувства. В магазине девочка-продавщица отбивается: «Ой, что вы мне руки целуете, они же грязные». А я ей: «Но вы же женщина!» Раньше я боялся, стеснялся женщин. Мой старший двоюродный брат, актер, красавец, сказал жене (это я случайно подслушал): «Как ты думаешь, Шурика когда-нибудь сможет полюбить женщина?» И она так задумчиво ответила: «Почему нет?». Я подошел к

зеркалу, взглянул на себя и понял — любить меня невозможно. Только потом я узнал, что четыре девчонки в школе одновременно были в меня влюблены. А мне это и в голову не приходило.

Меня женщины все время спрашивают: «Почему вы женщин так редко пишете?» Да, у меня мало женских образов. Если и есть, то все они особенные: старшая сестра, из детдома кто-нибудь. Именно такие возбуждают во мне жалость. Те, кто, как и я, не уверены в себе и болеют тем, что у них в жизни не все получается. Я думаю, любят меня не за то, что я пишу хорошо. Вовсе нет. Но за то, что каждый читает это, как «про себя, про друга».

Санкт-Петербург — Москва

Досье «ВМ»

Александр Володин, драматург. Родился в 1919 году в Минске. В 1939 поступил в ГИТИС на театроведческий факультет. С первого курса был призван в армию. Прошел всю войну. В 1949 году закончил ВГИК (сценарный факультет). С тех пор живет в Ленинграде — Петербурге.

Автор пьес «Фабричная девчонка», «Пять вечеров», «Старшая сестра», «Назначение», «Блондинка» и др. Написал сценарии к кинофильмам «Звонят, откройте дверь», «Осенний марафон», «Дочки-матери» и др.